

ДОН НИГРО

БЕН

ПАЛЕСТРИНА:

МОНОЛОГИ

Пендрагон-Армитейдж

Дон Нигро

Бен Палестрина: монологи

«Автор»

Нигро Д.

Бен Палестрина: монологи / Д. Нигро — «Автор»,
— (Пендрагон-Армитейдж)

Пьеса-коллаж. Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Монологи Бена Палестрины, одного из основных персонажей саги, в разном возрасте.

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дон Нигро

Бен Палестрина: монологи

Пьеса-коллаж. Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Монологи Бена Палестрины, одного из основных персонажей саги, в разном возрасте.

1

«Темнота». Бену около сорока лет. О событии из детства, которое так навсегда с ним и осталось. На мгновение, в реальности или нет, он перенесся в какое-то другое место, возможно, установил связь с самим собой в одной из прошлых жизней.

ТЕМНОТА

(Один персонаж, БЕН, мужчина под сорок. Он обращается к зрительному залу с пустой сцены).

БЕН. Самое странное и экстраординарное событие моего детства, может, всей моей жизни, и самое сложное для объяснения, большую часть прожитых лет я просто держал при себе, но по мере того, как идут годы, оно все больше и больше не дает мне покоя, и я думаю, может, лучше рассказать о нем, поделиться с другими, возможно, в тщетной надежде, что кто-то услышит меня и поймет. Это не одно из тех смазанных, полузабытых впечатлений далекого детства, которое на самом деле может быть воспоминанием о том, что кто-то тебе рассказал, или фотографией забытого события, или несколькими воспоминаниями, слившимися воедино. Нет, это что-то яркое и четкое, словно случившееся мгновением раньше, но при этом в свое время я помнил больше, а теперь это совсем ушло, и я не знаю, как объяснить этот очевидный парадокс, кроме как рассказать все, как есть, и покончить с этим. Мне было четыре года, и я жил в доме из красного кирпича в Армтейдже, штат Огайо, в который мои родители въехали сразу после свадьбы. Мы с матерью вытирали пыль с игрушек в моей комнате на первом этаже, у длинного невысокого книжного стеллажа-стола, который мой отец смастерил для меня. Мы брали игрушки с полки, протирали от пыли и ставили обратно. Над нами, на стене над стеллажом висели мои рисунки пальцами. Я обожал рисовать пальцами, мне нравился запах красок и ощущение их прохлады на руках, вот я и размазывал яркие цвета по большим листам, создавая целые картины. Мы с матерью сидели на полу, с тряпками в руках, я – лицом к ней, полкам и рисункам, она – спиной к стене, о чем-то говорила, и тут, внезапно, меня уже нет рядом с ней, я ушел, я где-то еще, в каком-то другом месте, и думаю, ясно и повзрослому: это не я, я не здесь, это не мое тело, не мое лицо, не мои руки, не мое имя, это не то или что я есть, я – не маленький мальчик, которого звать Бен Палестрина, сидящий здесь, на полу этого дома в Огайо с моей матерью, которая тряпкой стирает пыль с моего телефона, и моего «чертика из табакерки», и моих зверушек, я... я... и тут моя мать говорит мне – просыпайся, хватит витать в облаках, где ты сейчас был, спрашивает она, улыбаясь, как ребенку, и вопрос этот совершенно правильный, потому что я точно был где-то еще, но она вытащила меня оттуда, в тот самый момент когда я был на грани того, чтобы вспомнить, кем я был, и откуда пришел, и что делал перед тем, как началась эта странная иллюзия, будто я – маленький мальчик, но теперь все ушло, и я пытаюсь изо всех сил вспомнить, где я был, вспомнить правду о моей истинной личности, но все ушло, и я снова ребенок, сижу в комнате с матерью, которая внезапно кажется странной и чужой, пришлицей в мой мир, где я появился гораздо раньше, чем она, я стираю пыль с моей игрушечной металлической пишущей машинки, у полки, на которой стоят мои детские книжки и игрушки, набивные зверушки смотрят на меня умными глазами, словно знают секрет, а на стене цветные иероглифы, загадочные картины пальцами, следы моих маленьких чужих пальцев, которые в прошлом окунались во влажные краски. Другое место тоже ушло. И однако, позже, в самые неожиданные моменты моего детства, меня охватывало это странное, мистическое чувство, эта уверенность, что на самом деле меня здесь

нет, нет здесь и сейчас, что все это иллюзия, что на самом деле я какое-то иное существо, не с этим телом, или руками, или именем, или личной историей, что я гораздо старше и другой, да только все это забыл. Потом чувство это уходило, и я вновь продолжал послушно выполнять все положенное ребенку. Иногда чувство это приходило ночью, во сне, а когда я просыпался, во многом забывалось, а потом исчезало окончательно. И речь не каком-то ментальном образе, это было цельное, физическое ощущение, оно вбирало меня полностью, и отличалось от всего того, мне доводилось испытать, отличалось не в какой-то степени, а просто было другим. Уже в колледже я прочитаю оду «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства» Вордсворта, а в четырнадцать или пятнадцать лет – «Бурю» Шекспира, и смогу найти в этих произведениях какие-то намеки, словно отображения в темном зеркале, на это особенное чувство, и я радовался тому, что нашел их, чувствовал безмерное облегчение, что и другие испытывали что-то подобное и изложили на бумаге свидетельства того события, которое я в полной мере прочувствовал сам. По мере того, как я становился старше, чувство это приходило реже и реже. Я помню, как подумал очень ясно и отчетливо, мне тогда было лет двенадцать, после того, как однажды днем это чувство пронеслось по моему разуму, словно внезапный порыв ветра, что скоро оно покинет меня навсегда, и это, конечно, очень похоже на описание Вордсворта того, как тени тюрьмы смыкаются вокруг ребенка. Я знаю, конечно, что в детстве все заряжено ощущением загадочности и символической значимости. И это пугает меня, когда дело касается детей. То, что кажется нам проходной фразой, для них может иметь невероятное значение, каким-то образом открывать им истинную природу мира, о чем мы, взрослые, даже не подозреваем. Это страшно, быть преподавателем, особенно любимым студентами. В компании детей я всегда задаюсь вопросом, что из общения со мной останется с ними и станет постоянной частью их эмоциональной карты. В старшей школе я проглотил полное собрание сочинений Фрейда, и он объяснил многое из того, до чего я дошел интуитивно. И благодаря Шекспиру многие мои мысли обрели плоть и кровь, хотя, если говорить о школьном образовании, оно, похоже, формировалось злыми демонами с тем, чтобы помешать мне заниматься самообразованием, и, возможно, не дать вспомнить другое место. Подсказки я получал от Юнга, Лао Цзы, из «Чжоан-цзы», «Упанишад», «Бхагавад Гиты», от Мейстера Экхарта, Платона, Кальдерона и Джона Уильяма Данна. Все они, казалось, касались истины и отпрыгивали. Ни один, к сожалению, не мог объяснить в полной мере случившееся со мной и с тех пор не дающее покоя. Исследований других было недостаточно, возникала необходимость в собственном, и иногда я думаю, что вся моя жизнь, как писателя была попыткой каким-то образом вернуться в другое место, место у стеллажа с книгами, под рисунками пальцами, где на мгновения я соприкоснулся с... С чем? Позже я слышал, как разные люди охотно делились сведениями об их прошлых жизнях: они были и древнегреческими жрецами и жрицами, генералами, пришельцами из других измерений, и, простите мне недостаточную доброжелательность, но, по моему разумению, у этих людей давно и, похоже, безвозвратно съехала крыша. Так что в лучшем случае они увлеклись самообманом и игрой в исполнение желаний, как и все религии. Я человек не религиозный. И никакой веры у меня нет. Когда я наблюдал, еще ребенком, ужасы, которые Бог привычно обрушивал на невинных существ, я уже знал: существуй Он на самом деле, не было у меня выбора, кроме как стать его злейшим врагом. Но мне представляется, что Бог, скорее всего, просто фантазия. Этот мир – жестокий и неуправляемый кошмар с редкими моментами невероятной, неожиданной красоты, которые прорываются сквозь варварство и бойню. Все, что у меня есть, эта моя работа, которую я воспринимаю неким детективным расследованием, и сверхъестественное, не отпускающее и яркое воспоминание о том моменте, когда мне открылась другая жизнь. Что это было? Короткий глюк в детском мозгу? По ощущениям это было воспоминание вечности, но даже слово «вечность» звучит для меня нелепо. Самыми точными характеристиками этого чувства были уверенность, что я действительно был кем-то еще, и неуловимость, как что-то на кончике языка, на краю сознания, словно слово, которое ты

знал, но никак не можешь найти, или имя, которое только что было здесь, но затерялась в файлах твоего мозга, или сон, от которого ты только что пробудился, такого невероятно яркого, цельного и захватывающего, да только вспомнить его никакой возможности нет. Я попробовал военную стратегию непрямого подхода, чтобы убаюкать это воспоминание ложным ощущением безопасности, а потом наброситься на него, застигнув врасплох, осознано думать о чем-то другом, в надежде, что правда внезапно запрыгнет в мой разум, или благодаря какой-то случайности она неожиданно возникнет у меня в голове, и я смогу все записать до того, как она исчезнет вновь. И я задавался вопросом, если это было мое прошлое, до моего рождения, являлось ли это также и моим будущим. Но подобные мысли опасно близки к тому виду самообмана, благодаря которому, я это знал, и появилась религия, и весь этот фанатизм, и убийства, и фарисейские заблуждения, неизбежные с ее рождением, поэтому оставил эту мысль, какое-то время о ней думал, а потом, а потом... В бакалейном магазине появился новый назойливый управляющий, и внезапно они прекратили принимать мои чеки без предъявления удостоверения личности с фотографией. Я перестал быть реальным человеком, не мог добиться признания своей подписи, не предъявив официальную пластиковую университетскую карточку с фотографией, удостоверяющую мою личность. Не имело значения, что я уже годы каждую неделю отоваривался в этом магазине, и банк ни разу не отказывался принять мой чек. Новое правило установил сам Господь. Поэтому я пошел в то здание в кампусе, где располагалась фотография, по-прежнему невероятно злой на эту заносчивую маленькую горгулью, которая заставила меня делать то, что я полагал совершенно ненужным, но фотограф ушел на ланч, я кипел от ярости и бродил по зданию, поднялся по лестнице и обнаружил дверь, которую никогда не открывал, переступил порог, оказался в темном помещении, гадая, куда попал, а потом, когда мои глаза привыкли в темноте, осознал, что случайно забрел на сцену огромного, пустого театра, и теперь смотрел в черноту зала. Стоял в одиночестве на темной сцене, смотрел на зал, и тут в моем мозгу внезапно, на мгновение, возникло то другое место, тот другой я, другая личность, всего лишь на мгновение я вновь узнал, кто я, где, и что послан сделать, и на это мгновение я был дома. Потом все опять ушло, и я остался один, в пустом театре, но эхо случившегося витало, и по сей день витает, когда я выхожу на сцену пустого театра, это ощущение, что я попал в святое место. Ты всматриваешься в темноту и каким-то образом переносишься в другое место, где все времена и пространства сосуществуют, и на мгновение ты связан через бесконечное множество воплощений с чем-то нереальным и при этом более реальным, чем может показаться. Там, в другом месте, трансформированный и лишенный притворства, ты становишься самим собой, и на мгновение касаешься темноты вечности, и ты – Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.